

«ВСЯ ЖИЗНЬ— ДОРОГА»

...Одесса, 7 ноября 1978 года. Уильям Сароян, верный своей традиции, уезжает домой, в Америку, через этот город, где жили родители его жены, — он считал своим долгом всякий раз посетить их могилы.

Несколько дней мы жили в Одессе. Это был конец нашего длительного путешествия, во время которого он чуть ли не каждый вечер непременно стремился в театр. Так было в Риге и Ленинграде, в Москве и Ереване. И зная его слабость к театру, я заранее постарался, чтобы не было исключения и в Одессе.

За день до расставания он вдруг сказал: «Никогда не забуду, как ваша газета* обнародовала на весь свет, что у меня в доме нет телевизора». Оказывается, беседу перепечатали многие зарубежные газеты, и, по словам Сарояна, теперь уже весь мир знает, что знаменитый писатель не имеет телевизора. И вот он, наконец, решил приобрести телевизор, только не стационарный, а переносной. «Ведь я всегда в дороге, — часто говорил он. — Дом нужен для того, чтобы родиться в нем и умереть, а сама жизнь — это дорога...»

Долго мы выбирали. Заходили в несколько магазинов. Наконец выбрали. Вечером попросили хозяина продемонстрировать нам свою покупку, но он отказался: «Только в дороге»... Так и сделали. В уютной каюте пассажирского судна мы торопливо разместили чемоданы и плетеные корзины с ереванскими фруктами. Спешили. К счастью, телевизор не

подвел — на зеленоватом экране тотчас же появилось яркое контрастное изображение. Показывали парад в Москве. И я сразу обрадованно вспомнил, что Уильяму Сарояну посчастливилось своими глазами увидеть один из самых больших праздников армянского народа: торжества по случаю 150-летия присоединения Восточной Армении к России.

Часа два сидели у него в каюте. И все время говорили об этом великом празднике. «Мне теперь всю оставшуюся жизнь жить с этим праздником в сердце, — говорил Сароян. — Я теперь спокоен, как никогда. Ведь такой праздник нельзя навязать, придумать, организовать. Его можно только сотворить, как поэты творят свои стихи. И у меня было такое впечатление, что весь мой народ пишет стихи».

Я слушал басовитый голос гостя, а сам то и дело поглядывал на крохотный телеэкран. Знал, что вот-вот подойдет очередь Еревана: должны показать фрагмент парада и демонстрации в столице Армении. И когда действительно на экране появились контуры площади Ленина, обрамляющие ее ажурные дома, Сароян умолк. И я увидел, как его красивое лицо осветилось гордым счастьем.

Сейчас я во всех деталях вспоминаю ту нашу последнюю беседу в каюте океанского судна. Я спросил его, когда он собирается еще раз посетить Советский Союз.

— Меня постоянно тянет сюда. Но мне и работать всегда хочется: жизнь человеческая слишком коротка, чтобы позволить себе затаившиеся выходные. Хотелось бы устроиться где-

нибудь в тихом уголке Армении и поработать в свое удовольствие. Поработать над книгой об Армении, о соотечественниках. Но мне не дают: бесчисленные встречи, все хотят меня видеть... Я не обижаюсь. Я слишком хорошо знаю жизнь и людей и знаю, что такое особое отношение ко мне на родной земле происходит в первую очередь потому, что мои соотечественники во мне видят гостя. Они знают, что я уеду. Буду недосыгаем.

Я знал, что Сароян тяжело болен. И все же известие о его смерти ошеломило меня. Ведь он в свои 70 лет совершал не легкие путешествия по дорогам Армении, многие километры, на удивление его спутников, он проехал на дорожном велосипеде, легко преодолевая бесконечные перевалы. И вдруг холодное жестокое слово «умер». Вспомнилось, как тогда, в той уютной каюте, я спросил писателя:

— Вам уже семьдесят. Больше месяца мы колесим с вами по всему Советскому Союзу, по нашей республике. И вы находились во власти подготовленной для вас программы. Через час мы расстаемся, и вы будете сами распоряжаться собой. Начнете ли вы соблюдать какие-либо особые правила, режим? Будете ли отказывать себе в чем-нибудь?

— Семьдесят — и много, и мало. Я здоров, как бык, и немощен, как развалина. У меня десятки больших и малых недугов. Но стараюсь к врачам не обращаться. Лучшим лечением считаю ходьбу и езду на велосипеде. Это помогает, как помогает юмор, особенно ирония. Люблю поиздеваться над собой и ненавижу, когда с наслаждением говорят о своих болячках. Эта неприязнь у меня идет от предков. У нас в Битлисе считалось недостойным носиться со своей болезнью и вызывать к состраданию. А вообще-то от судьбы никуда не уйдешь. Поэтому ни в чем не надо себе отказывать. Просто не надо делать того, чего уже не можешь делать хорошо. Это касается и творчества тоже. Надо учиться у великих спортсменов — вовремя уходить с ринга. И в то же время, если видишь, что еще есть силы, надо бороться до конца.

Зорий БАЛАЯН

144